

18+

Давид Сеглевич

Смена веков

Издание второе, переработанное и дополненное

Давид Сеглевич
**Смена веков. Издание второе,
переработанное и дополненное**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220415
ISBN 9785449611888*

Аннотация

В книгу вошли рассказы и очерки, опубликованные с 1999 по 2018 годы. Они различны по содержанию и по жанру и собраны в семь разделов: «Фантастика», «История с географией», «Жизнь», «Интернет-расследования», «Курьезы», «Юмор» и «Научно-популярное». Герои рассказов – не только вымышленные персонажи. Среди них – капитан Кук, Бетховен, Ренуар, Колумб, испанские конкистадоры и датские подпольщики. Время действия – с 5 века до н.э., а место – от полуострова Юкатан в Мексике до Урала.

Содержание

От автора	5
Фантастика	6
Алло...	6
Убийство В. И. Ленина и его последствия	18
Мировой заговор	38
История с географией	57
Палатка капитана Кука	57
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Смена веков
Издание второе,
переработанное
и дополненное**

Давид Сеглевич

*Светлой памяти моего лучшего друга Ларисы
Рудкевич (1946—2019)*

© Давид Сеглевич, 2020

ISBN 978-5-4496-1188-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Пятьдесят лет назад я начал писать роман. Я собирался закончить его за пару недель. Потом стал ходить в школу, где мне сказали, что романы обычно пишут подолгу. Это оказалось правдой. Я все еще пишу тот роман...

Но публиковаться хотелось. Пришлось параллельно с написанием романа попробовать себя в других, более оборотистых жанрах. Так и возникла эта вот всякая всячина. Рассудив, что «Всякая всячина» – не очень подходящее заглавие для книги, я назвал ее более претенциозно: «Смена веков». (Именно так называлась первая подборка моих стихов). Здесь и аллюзия к известному эмигрантскому изданию двадцатых годов «Смена вех» (я ведь тоже эмигрант), и попытка передать ощущение тех перемен, что произошли при нашей жизни. Ведь это не просто номер века сменился, переменялась эпоха...

Давид Сеглевич. Торонто, декабрь 2007

Фантастика

Алло...

*Эту странную историю поведал мне сам ее участник. А произошла она то ли в две тысячи третьем, то ли в две тысячи четвертом. Ныне мой герой уже не тот, что прежде. Он успел довольно быстро продвинуться по службе и работает вице-президентом фирмы. Фирма, впрочем, невелика, однако сам титул уже делает его носителя чело-
веком солидным. Noblesse oblige – положение обязывает. Та-
кой попусту языком трепать не станет...*

Андрей Спиридонов жил один, хоть и было ему порядочно за тридцать. Со стороны быт его мог бы показаться унылым. Сам Андрей особого уныния не ощущал. Работа, вылазки с друзьями на природу, в театр, в кино, в ресторан... Снова работа... Не сказать, чтобы ему не хотелось обзавестись семьей, не мечталось о женской ласке, о тепле и уюте собственного гнездышка... Но все как-то случая не подворачивалось. Познакомят, бывало, с какой-нибудь фифочкой, пройдетя с ней по недлинной торонтской набережной, посидит в кафе – вот ему уж и скучно с нею, и о чем говорить – совершенно неясно. Да и сама фифочка скучает и томится

не меньше. Улыбнутся друг другу, распрощаются – и оба уж знают, что прощаются навсегда, что продолжения не будет, да и не надо его, продолжения. Утешался тем, что у них в Канаде брак между тридцатилетними считается ранним. Ведь среднестатистическая канадка сочетается сладкими брачными узами в тридцать один, а ее столь же среднестатистический партнер – аж в тридцать четыре.

Вот так и жил Андрей в «однобедренной» квартирке: гостиная, спальня да кухонка, где жарил вечерами яичницу да варил сосиски. В салоне оборудован был «домашний театр» – изящные, как фламинго, вертикальные колонки стояли по углам, горизонтальные висели по стенам. И когда романтическая тьма спускалась на город, побуждая к мыслям о высоком, рождая сладостный трепет чувств, квартира наполнялась рыданиями саксофона, звонкими арпеджио фортепиано, разговором скрипок. А наш герой восседал посреди этого пиршества звуков со стаканчиком кьянти, внимая Чарли Паркеру или старомодному Дюку Эллингтону. Чем не жизнь?..

На работе все шло своим чередом, суетливо и бестолково, по давно заведенному циклу: шумиха – неразбериха – поиски виновных – наказание невиновных – награждение непричастных. Назначались нереальные сроки, заваливались проекты, затем сроки отодвигались... Андрей крутился среди этой бучи и думал о том, что отвратная гостья ностальгия, воспетая и проклятая несколькими поколениями русских

писателей, посещает только тех, у кого есть на нее время.

Наступила, однако, пора, когда он стал ощущать неудовлетворенность работой. Зудело и щекотало: не ценят, не понимают, задержали. Надоело все, к чертовой матери! Перемен захотелось. Чтобы и фирма побольше, и зарплата покрупче, и льготы весомее. Ведь есть же такие.

Связался с несколькими агентами по трудоустройству. Ему всегда удивительно было, откуда такое обилие этих самых «охотников за мозгами» и как они могут существовать, коли их больше, чем самих людей, ищущих работу. И почему компании должны прибегать к их помощи, если стоит только свистнуть – и потенциальные работники валом валят? Андрею не раз объясняли, что вокруг этого самого трудоустройства много народу кормится. И в агентствах, и в самих фирмах. Продаст такой агент сотрудника, отстегнет, кому следует, – и может три месяца отдыхать, переваривая добычу, словно удав, заглотивший козленка.

Первому из этих агентов Андрей оставил номер своего сотового телефона. Когда тот позвонил посередине какого-то совещания и тут же с места в карьер стал расписывать прелести некоей «позиции»: зарплата – обалдеть, льготы – выше среднего и т. п. – Андрей понял, что сделал глупость. Перестал давать агентам рабочие координаты, и лишь дважды в день снимал сообщения со своего домашнего телефона. Отныне все восторженные звонки от агентов, нашедших сногшибательные вакансии, тихо-мирно сидели в при-

емном ящике на сервере телефонной компании и спокойно дожидались, пока Андрей до них снизойдет.

...Позвонили как-то раз из компании «Белл» и предложили вместо обычной аналоговой телефонной линии поставить цифровую. Андрей всегда был «застрельщиком всего нового и прогрессивного», тут же согласился. Тем паче, что неудобств никаких не предвиделось: всё как и раньше, вот только телефонный номер ящика с сообщениями сменился. Андрей, понятное дело, записал этот номер где-то на первой попавшейся бумажке да и забыл про него. На следующий день захотел он сообщения снять, а номера не помнит, он у него где-то дома валяется. Пожаловался Мишке Гуревичу: вот, дескать, надо теперь куда-то в интернет лезть, номер разыскивать, чтобы сообщения прослушать...

– Да ты что? – говорит Гуревич. – На фига тебе этот номер? Звонишь к себе домой, а когда начинает работать автоответчик, жмешь девятку. Вот и всё.

Подивился Андрей, что никогда про такое не слышал, но сделал, как посоветовали. И ведь сработало-таки! Прослушал сообщения. (Как всегда, ничего существенного).

На следующий день ему уж и лень было набирать какой-то новый незнакомый номер. Сделал, как вчера: позвонил себе домой. Так и повелось и продолжалось с неделю. А потом случилось вот что.

Звонит Андрей на свой домашний телефон, ожидая услышать привычное: нет, мол, меня дома, оставьте, пожалуйста,

сообщение, а уж я перезвоню – как только, так сразу. И вот вместо этой бездушной белиберды приятный женский голос отвечает ему:

– Алло!..

Смутился Андрей. «Sorry, моя прекрасная леди! Я тут номерком ошибся» – и трубочку повесил.

Вновь звонит. И вновь тот же милый женский голос отзывается. Это из пустой-то его квартиры!

– Sorry, – опять извиняется Андрей на изысканном своем английском. – Это номер такой-то?

А в ответ ему – на чистом и не очень изысканном русском:

– Андрей! Кончай выпендриваться! Сегодня ты, надеюсь, до восьми сидеть не будешь. Заскочи по дороге, купи бутылочку кетчупа. У нас кончился. И содовой заодно, парочку больших бутылок.

Андрей и рад бы ответить, да не может: язык отнялся. Он бы и кетчуп купил, «не big deal», как здесь принято говорить, – да к чему ему кетчуп, если в дверце холодильника сегодня утром аж две бутылки стояло!

Посидел, поразмышлял над услышанным. Потом рассказал Гуревичу.

– Ну, все понятно! – говорит Мишка. – Прекрасно эти мастера тебе дигитальную линию провели. Еще чей-то телефон к тому же номеру подключили. А ты от них чего-то другого ожидал?

– погоди! А откуда она мое имя знает?

– А ты думаешь, в Торонто мало Андреев? Если не сотни, то уж десятки. Это точно.

– А голос?

– Что голос?

– Узнала ведь.

– При таком-то качестве можно кого угодно «узнать». Ждала просто звонка от мужа.

– А попробуй-ка ты позвонить.

Мишка набрал номер Андрея и завел разговор с неведомой дамой.

– Извините, а как вас зовут?

– А кого вам нужно?

– Мне... Андрея, – слегка растерялся Мишка.

– Андрей на работе. А кто его просит?

– Я попозже перезвоню, – буркнул Гуревич и положил трубку. – Ну вот, даже имени не узнали... Я ж говорил – с подключением напутали...

Андрей понимал, что Мишка прав, но тень неуверенности у него оставалась. Или ему просто не хотелось отгонять эту тень?..

В тот вечер Спиридонов открывал свою дверь с некоторым трепетом сердечным. Нет, он, разумеется, не надеялся застать в своей квартире незнакомку, но, шагнув в тихую пустоту апартаментов, почувствовал легкий укол разочарования. Ему представилось, как на этой вот кушетке сидит, закинув ногу на ногу, молодая женщина в халатике и прижи-

мает телефонную трубку к изящному маленькому ушку. Он видел даже легкий белокурый завиток возле этого уха. Андрею казалось, что женщина непременно должна быть блондинкой.

Позвонил Гуревичу.

– Мишка, ты можешь мне сейчас позвонить? Если не туда попадешь, не перезванивай, я тебе сам звякну минут через десять.

Гуревич сразу все понял, и через полминуты телефон зазвонил. Андрей снял трубку и грустно сказал:

– Это я. Все нормально. Наверно, наладили.

В тот вечер ему было особенно одиноко...

На следующий день Андрей звонил домой без всяких эмоций, ибо ожидать было нечего. И вздрогнул, когда все тот же мягкий голос сказал: «Алло!»

– Это я, Андрей.

Во рту было сухо, в ушах звенело. Даже самого себя плохо слышал.

– Ах, ваше величество, это вы! – засмеялся голос. – Хорошо, что представился, а то бы не узнала. Ты хоть пообедал?

Тяжко было Андрею обращаться на ты к незнакомой женщине, но пересилил себя, переборол.

– Ага... А что ты делаешь?

– Играю.

– Во что?

Она опять звонко засмеялась.

– Баха играю.

– Баха?

– Да, представь себе. Иоганна Себастьяна. Я смотрю, ты там совсем заработался. Выйди, прогуляйся!

– А ты мне сыграй!

– Бах по телефону? Замечательное качество звука. Все обертоны – как в концертном зале.

– А знаешь, я читал один утопический роман. Он был написан еще до изобретения радио и звукозаписи. Там во все дома непрерывно транслируют музыку по специальным телефонным каналам. И автор пишет, что если человек всегда может слушать любимую музыку, то он счастлив.

– Мудро. А кто автор?

– Некто Беллами. Англичанин, вторая половина девятнадцатого века...

И так они болтали еще минут десять. И было Андрею легко, и душа его парила, и не нужно было вымучивать темы для разговора. Ниточка диалога сама перескакивала куда надо. Набравшись нахальства, спросил:

– А может быть, встретимся сегодня?

– Ах, мой рыцарь, вы назначаете мне свидание. Как это мило! Я согласна. Вот приду вечером домой – там и встретимся.

– Откуда придешь?

– Из консерватории. У меня трое студентов сегодня. Лад-

но, кончай трепаться! Пока!

Мишка Гуревич подошел спросить что-то по работе, но, увидев Андрееву отрешенную физиономию, осекся.

– Ну как, с телефоном нормально?

Андрей только головой покрутил.

– Да позвони ты в «Белл»! Пусть они там разберутся. Пусть проверят, в конце концов.

– Да, надо будет... Она меня и в самом деле принимает за мужа или за своего бойфренда.

К концу рабочего дня Андрей понял, что ни в какой «Белл» он не позвонит. Пусть будет этот неведомый голос, пусть остается эта милая путаница! Пусть остается это «алло» с завитком на последнем звуке, с этим нежным «о» переходящим в «у», что равно понятно и русским, и англоязычным.

Он придирчиво вглядывался в каждый уголок, пристально осматривал и салон, и спальню. В квартире что-то изменилось. Он не мог сказать, что именно. То ли стулья слегка передвинуты, то ли музыкальный центр кто-то включал. Бывает так: чувствуешь неправильность, нерегулярность, но где она? В самой атмосфере, в воздухе, в движении занавески у кондиционера?

Выглянул в окно. Переливался и искрился снег в огнях гирлянд. Те же, что и вчера, ёлки, опоясанные нитками лам-

почек, олени с фонариками... Кричали во дворе ребята, люди возвращались в свои теплые квартиры с праздничными покупками. Приближалось рождество. Вся округа ждала подарков. И Андрей тоже ожидал какого-то светлого подарка, сюрприза, нечаянной радости...

– Алло!

– Это я.

– А, привет! Ты еще на работе? Давай, приезжай скорее.

– Почему?

– Какой ты стал рассеянный последнее время! В самом деле не помнишь, что сегодня идем в театр? Тебе явно надо меньше работать и больше отдыхать. Сегодня ж пятница!

– Пятница? Но ведь сегодня среда.

– Я ж говорю: заработался! Всё! Кончилась твоя рабочая неделя. Не заметил? Пятница. Театр. Очнись!

– Это что, как в том анекдоте про раввина? «Вижу кошелек, а поднять нельзя: суббота. Помолился я как следует... Гляжу: кругом суббота, а вокруг меня – сплошной четверг». Это только вокруг тебя сегодня пятница.

– Ладно, давай скорее. Я уже начала собираться. Сейчас из-за тебя ноготь смажу...

Андрей подошел к календарю, потом проверил на компьютере. Да что это, в самом деле? Чего ради потянуло проверять, будто и так не знает, что среда, среда сегодня!

Но вдруг кольнуло что-то. Сорвался, помчался домой.

Торопился. Скорее, скорее! Застать!.. Стоп. Кого застать? Не сходи ты с ума, в конце концов!..

В квартире стоял крепкий запах духов. Сильные, дурманящие. Скорее всего, французские. Такие будят вожделение, кружат голову. Именно так пахли красивые женщины в театре. Леди, что являются в вечерних платьях с глубокими декольте.

Андрей вновь обошел все уголки. Ничего особенного. Только этот аромат да еще на коврике – длинный белокурый волос, видно занесенный ветром с улицы... Запах мучил его всю ночь, мешая спать...

А на следующий день вместо привычного уже «алло» – пустая английская фраза, приглашение оставить сообщение. И померк день, и словно потерял что-нибудь или забыл нечто важное и никак не вспомнить. Он звонил каждые полчаса, и надежда постепенно уходила, растворялась, и хотелось крикнуть: «Не уходи! Куда ж ты?» Кому кричать?..

Он звонил и на следующий день, хоть и было понятно: она ушла. Навсегда. И не будет больше этого голоса. И не будет больше Андрей защитником и подопечным одновременно, что отличает женатого мужчину от всех прочих.

Он изменился. Стал серьезнее и старался менее предаваться романтическим грезам. Музыкальные вкусы тоже немного сместились. Он стал меньше слушать джаз и больше – драматическую классику. Малера и Шостаковича.

История с телефоном уходила в прошлое, забывалась потихоньку. Могла бы, наверно, забыться совсем...

Почти год спустя Андрей делал в квартире генеральную уборку. Решил перебрать и протереть все книги, диски, плёнки. Отодвинул от стенки стеллаж, что не один год пребывал в полном покое. В серой зашкафной пыли обнаружилась фотография. Обыкновенная фотка. Шесть дюймов на четыре. Видно, осталась от прежних жильцов и провалялась несколько лет, никем не замеченная. Мужчина и женщина на фоне пирамиды Кукулькана. Андрей никогда не был в Мексике, но пирамида узнавалась безошибочно по множеству фотографий в книжках и журналах. Женщина – симпатичная, со светлыми волосами. Припала плечиком своим острым к широкому мужскому. Улыбается и голову откинула, вот сейчас расхохочется. А он... Андрей сказал бы, что это – он сам, если бы не знал наверняка, что это не может быть он. К тому же, мужчина на фотографии выглядел немножечко солиднее и уважаемее нынешнего Андрея. Слово то была не фотография, а Андреев портрет, выполненный художником, знавшим, что быть в скорости Андрею Спиридонову вице-президентом фирмы. И дата стояла на фотографии. Обычные розовые цифры в правом углу: 10 15 2010. Пятнадцатое октября десятого года. Понятно, что у неведомого фотографа была сбита дата на аппарате...

Убийство В. И. Ленина и его последствия

Знаменитый английский физик Дэвид Дойч пишет о невероятно огромном количестве – континууме – параллельных миров. Миры эти существуют как бы рядом, они почти идентичны друг другу. Вот только события, происходящие в тех мирах, могут различаться: иногда чуть-чуть, иногда сильнее. Никакого взаимодействия между мирами не существует, и лишь явление дифракции света, знакомое нам из школьного учебника физики, свидетельствует об их существовании... Или какое-то взаимопроникновение все-таки возможно? Не могут ли предметы из одного мира перетекать в соседний?

Вот о чем я подумал, когда на обычном книжном развале в одной из европейских столиц обнаружил старую, в меру потрепанную и не слишком толстую русскую книжку. Название было тоже довольно обычным. «Малоизвестные страницы русской революции. Свидетельства очевидцев». Привлекла и слегка удивила надпись в нижней части титульного листа: «Издательство Орион. Нью-Йорк – Петроград. 1967». В аннотации говорилось, что этот сборник, под редакцией историка Андрея Робертского, является одним из многочисленных изданий, посвященных 50-летию Великой Февральской революции. И хотя, как значилось в выходных данных,

книга вышла тиражом в 2000 экземпляров, никаких ее следов я не обнаружил ни в «Ленинке», ни в библиотеке Конгресса США, ни в других крупных библиотеках. Предлагаю вниманию читателя некоторые выдержки из этого сборника.

Из предисловия к главе «Убийство В. И. Ленина»

Успешное покушение на одного из большевистских лидеров, В.И.Ульянова (Ленина), может показаться событием незначительным на фоне тех грандиозных перемен, которые произошли в России в 1917 году. Много ли стоила в ту пору жизнь человеческая? Позволим себе не согласиться с этим. Именно во времена больших свершений, в «минуты роковые», даже небольшой удар по клубку событий, может бросить разматывающуюся нить истории в совершенно ином направлении. И пусть история не знает сослагательного наклонения, стоит прибегнуть к нему, чтобы измерить и оценить реальный масштаб каждой из составляющих великой революции.

Предположим на мгновение, что Ленин не погиб в апреле семнадцатого года и направил всю свою недюжинную энергию на захват власти. Мог ли «ленинский переворот» быть успешным? – Безусловно. Известно, что Ленин представлял самое радикальное крыло своей политической группы, так называемой партии большевиков. Этот радикализм, помноженный на неумемную жажду власти, был способен принести самые неожиданные плоды. Разумеется, известно и то, что

большевики не имели особой поддержки в народе, за их спиной не стояло крупных воинских формирований. Но сколько часто в политических битвах выигрывает не самый сильный, а наиболее беспринципный! Временное правительство сплошь состояло из либералов. Верность либерально-демократическим идеалам в условиях российской действительности могла стать причиной его поражения. Не будем забывать, что с момента отмены крепостного права прошло чуть более полувека. Значительную часть российского общества составляли дети вчерашних рабов. Раб подчиняется силе. Захвати эти новые якобинцы власть в Петрограде – и вся Россия могла бы пасть к их ногам. Позвольте, – скажете вы, – а как же Учредительное собрание?..

Да не введут читателя в заблуждение постоянные утверждения большевиков о верности демократическим принципам, о приверженности идее скорейшего созыва Учредительного собрания. На самом же деле ленинское крыло партии большевиков всеми фибрами ненавидело демократию. Это и понятно: большевики могли бы удержаться у власти лишь путем полного подавления демократических свобод. Их первым шагом стала бы отмена созыва Учредительного собрания. Затем последовали бы разгром оппозиционной прессы, запрет всех оппозиционных партий, а возможно – и террор, подобный якобинскому. С яростью принялись бы эти фанатичные политики за осуществление своих социальных утопий, и серая мгла большевизма окутала бы шестую часть зем-

ной суши...

Инесса Арманд

Мы так долго не были в Петрограде! Последний час тянулся бесконечно. Пытались смотреть в окна, но было уже совсем темно, только редкие далекие огоньки мелькали иногда среди болотистой низины.

Н.К. занимали мелкие бытовые банальности (Н.К. – Надежда Константиновна Крупская – прим. ред.). Как, мол, раздобыть извозчика в вечернюю пору, как обустроиваться потом... Такой приземленной казалась она мне в тот час, такой недостойной этого великого человека! Я ведь думала совсем о другом. Как встретит нас столица? Для меня этот город всегда был чужим. Я ведь куда больше любила мою теплую милую Москву, в Санкт-Петербурге приходилось бывать лишь от случая к случаю. А главное: смогу ли я теперь столь же близко общаться с В.И.?

И вот наконец поезд тормозит... Мы вышли из вагона... Когда грянул оркестр, сразу почему-то завертелись в мозгу строчки из оперы Чайковского: «Вот так сюрприз! Никак не ожидали. Военной музыки оркестр...». Я даже не сразу сообразила, что это именно нас так встречают. Ильич как будто и не удивился вовсе. Словно всю жизнь его приветствовали военные оркестры. С обычной своей деловитостью вышел на перрон, пожал руку подбежавшему Чхеидзе...

Прошли в Императорский павильон. Чхеидзе говорил

о новых свободных временах, о том, сколь важно в эти бурные дни сплотить всех сторонников подлинной демократии и продолжать борьбу за полное освобождение народа. Он вновь и вновь призывал к единству... Но я-то знала, как сильно ненавидел Ильич оппортунистов, готовых ради пресловутых демократических свобод пойти на сговор с буржуазией. Меншевиков он презирал и даже не скрывал этого своего презрения в столь торжественный момент. Я стояла рядом и хорошо видела ироническую усмешку на его губах. К концу речи Ильич вообще повернулся к Чхеидзе задом, давая понять, что ничего общего с ненавистными ему меньшевиками иметь не желает. Потом вновь вышли из здания. Ленин начал говорить, но толпа собралась порядочная, и слышно было плохо...

Ах, и зачем он полез на этот треклятый броневик! Кто-то услужливо подставил плечо. Помогли взобраться... Как отчетливо помню его последние слова!

«Дорогие товарищи! Солдаты, матросы, рабочие! Империалистическая война даст начало гражданской войне по всей Европе».

И тут что-то хлопнуло совсем рядом со мной, точно шарик воздушный взорвался. Ильич тут же умолк и повалился с броневика. Подхватили падающее тело. Полетела в сторону окровавленная кепка. Я просто застыла, я не могла осознать весь ужас происшедшего. Толпа оцепенела на мгновение, а потом заполыхала криками, шумом, смятением. Хватали

кого-то, вырывали из руки пистолет, хоть было уже поздно. Я не видела, кого хватают. Я бросилась к упавшему. С криком рванулась туда же Крупская. Мы столкнулись.

Вся верхняя часть головы – в крови. Темные струйки стекают с виска. И совершенно спокойное, ничего не выражающее лицо. Я ничего не видела, кроме этого неестественно белого лица...

Ах, если бы можно было повернуть время вспять... На минуту, на полминуты... Остановить Ильича, прикрыть его собственным телом... Поздно. Свершилось.

Григорий Зиновьев. Из речи на могиле В.И.Ленина

...Мы все были лишь его учениками. И все новые и новые наши сторонники будут учиться у него борьбе за освобождение пролетариата.

Наследие Владимира Ильича огромно. Значение его для нашего общего дела буквально неопределимо. Но как же больно становится при мысли, сколь много он успел бы еще совершить, не оборвалась его жизнь так трагически. Враги революции хорошо знали, в кого им надлежит целить. Именно теперь, когда мы принимаемся за строительство новой России, нам будет страшно не хватать его решительности и отваги, его бескомпромиссности, его кипучей энергии. Постараемся же все вместе хотя бы частично восполнить нашу огромную утрату. Будем достойными того великого дела, за которое Ленин отдал жизнь.

Павел Переверзев

Я еще не был в то время министром юстиции. Этот пост занимал тогда сам Александр Федорович (А.Ф.Керенский – прим. ред.). Я же работал прокурором Петроградской судебной палаты. Разумеется, косвенным образом я был связан с делом Льва Освальда. Кем же был этот «одинокий волк» (ведь именно так переводится его фамилия)?

Сведений немного. Бывшие деятели царской охраны тогда не очень охотно с нами сотрудничали. В архивах Департамента Полиции никаких данных об агенте с такой фамилией не нашлось. Сам Лев Гарвеевич был из латышских стрелков. На фронте отличался храбростью. Имел Георгиевский крест четвертой степени. В конце 1916 года был контужен, вследствие чего и отправлен в тыл. Как видно, контузия не помешала ему хорошо стрелять. Квартировал он на Петроградской. Разумеется, сразу же произвели обыск на квартире. И – ничего. Еще один револьвер, патроны... Ни бумаг, ни сведений о связях. Прибыл в Петроград недавно, друзьями обзавестись вроде бы не успел. В пересыльной тюрьме его допросили только один раз. На следующий же день, 4 апреля, должны были перевести в «Кресты». Вот тут-то его и пристрелил Рубин. В упор, на глазах ошеломленного конвоя.

На допросах Рубин заявлял, что, являясь членом Петроградской организации РСДРП, всегда преклонялся перед личностью Ленина. Жаждал отомстить за убийство ли-

дера своей партии. Как выяснилось, Рубин действительно был большевиком. Но как-то плохо верится в его праведный гнев. В партии Рубин состоял лишь несколько месяцев. За границу не выезжал и с Лениным никогда не встречался лично. Откуда взяться такой безоглядной любви к вождю? Как известно, Рубин был также убит «при попытке к бегству» буквально через несколько дней после ареста.

Все эти факты позволяют нам предположить, что за Освальдом и Рубиным стояли некие политические силы, смертельно опасавшиеся усиления большевиков... Кто конкретно? Тут мы можем только гадать. В частности, очень активным был Пуришкевич. Он в то время сколачивал монархическую организацию для скорейшего свержения Временного правительства. Активно сотрудничал с монархически настроенным офицерством, крупными помещиками, бывшими деятелями охранки. Все они были крайне недовольны демократическими преобразованиями новой власти, но наше правительство не было их единственным врагом. Неврастеник Пуришкевич параноидально ненавидел не только «разумное, доброе, вечное», но и вообще все, что могло представлять «угрозу устоям». Впрочем, никакими фактами о причастности монархических организаций к убийству Ленина мы не располагаем...

Александр Керенский

Разумеется, как министр юстиции, я слышал об этом деле.

К тому же немного знал жертву покушения. Лично знакомы мы никогда не были, но одно время жили в одном и том же городе – Симбирске. Мой отец был директором гимназии, в которой учился Ульянов, преподавал там логику. По долгу службы ему приходилось встречаться с отцом Ульянова, инспектором народных училищ нашей губернии. (Удивительно, что из двух столь почтенных симбирских учительских семей вышли столь радикально настроенные революционеры, как Ульянов и я. Впрочем, наши взгляды на политику сильно расходились). Старший брат убитого был настроен еще более радикально. Он стал одним из организаторов неудачного покушения на царя и был казнен. Отец мой, будучи человеком широких взглядов и либералом, добился золотой медали для брата казненного революционера. Это было незадолго до нашего отъезда в Ташкент. Насколько мне известно, в аттестате Ульянова была-таки одна четверка, по логике, проставленная именно моим отцом. Как преподаватель он был очень строг и полагал, что знать его предмет на пятерку не может никто. Отец выдал Ульянову прекрасную рекомендацию для поступления в университет, и тот проучился некоторое время на юридическом факультете, но затем был отчислен за революционную деятельность.

Все это было мне известно, и я следил за ходом расследования, которое с каждым днем все более и более запутывалось. Вскоре кабинет сменился, и я уже не мог совмещать пост премьера с деятельностью министра юстиции. На эту

должность заступил господин Переверзев. А вскоре, как вы знаете, наступили очень горячие дни, и мне уже стало совсем не до того. Стремительный развал фронта и волнения в Петрограде привели нас к единственно возможному решению относительно сепаратного мира с Германией. Никто не ожидал от нас этого. Признаться, мы и сами от себя ничего подобного не ожидали. Поверьте, верность союзническому долгу не была для нас пустым звуком. Но выбора не было. К июню даже самые милитаристски настроенные члены кабинета поняли, что если мир не будет заключен до осени, то страну захлестнет лавина всеобщей смуты. Эта лавина смела бы не только нас, она погребла бы под собой всю культуру, все то, что для нас было дорого и свято...

Пропуская через свою территорию поезд, на котором ехали Ленин и его соратники, германское правительство рассчитывало, что большевики, будучи ярыми противниками нашей военной политики, своей агитацией будут способствовать выходу России из войны. Этого не случилось. Действия большевиков были вялыми и нерешительными. Фронт, однако, разваливался и без их помощи.

Историки всегда поражались, сколь быстро нам удалось заключить Брест-Литовский мир, несмотря на противодействие со стороны Антанты. Да, мир этот был тяжел для страны, мы потеряли огромные территории, но это в любом случае было лучше, нежели потерять всю Россию.

Через год, как вы знаете, война закончилась победой Ан-

танты, и нам удалось вернуть значительную часть утраченных территорий. Нелегко пришлось нам в Версале, особенно поначалу. Члены делегаций глядели на нас буками. Кое-кто пытался демонстративно обливать россиян презрением. Гучков, помнится, взглянув на мрачное лицо Ллойд-Джорджа, шепнул мне: «Этот Лев британский еще, глядишь, и от нас репараций потребует. Такому палец в пасть не клади». Постепенно нам удалось нейтрализовать эту неприязнь и убедить союзников в том, что ситуация в России летом семнадцатого года представляла собой типичный Force Majeure: мы просто не могли исполнять союзнический долг в силу внешних непреодолимых обстоятельств. Следует признать, что дело было не только и не столько в нашем красноречии. Возвращение долгов царской России – вот что стало альфой и омегой этой стадии переговоров. Главы европейских держав прекрасно понимали, что любые санкции против России чреваты задержкой выплат и даже полным их аннулированием. Такими суммами не бросаются. Отделение Польши и Финляндии, с чем наша делегация немедленно согласилась, только способствовало укреплению престижа нашей страны...

Надежда Крупская

От Григория Зиновьева я не ожидала такой реакции. Последние тезисы Владимира Ильича – это его духовное завещание партии. Я пребывала в полнейшей уверенности,

что каждое слово этой маленькой рукописи будет встречено с вниманием и одобрением. И что же?..

Я попросила Зиновьева передать тезисы в «Правду» для немедленного напечатания. Даже и название у меня было готово. «Апрельские тезисы». Ведь Ильич писал их уже в апреле, перед самым своим приездом в Россию. Роковым приездом...

Взгляды Ильича, его непримиримая позиция по отношению к соглашателям, не были секретом для членов ЦК. В Белоострове в наш вагон вошли Сталин и Каменев. В.И., едва поздоровавшись, тут же на них накинулся. «Что вы там у себя в „Правде“ пишете? Мы вас ругали самыми последними словами!» Я ожидала, что последует бурная дискуссия, но ни Сталин, ни Каменев спорить не стали. Сталин слегка ухмыльнулся в свои кавказские усы, Каменев тут же перевел разговор на что-то другое. Словно бы и согласились. А тут...

После разговора со Сталиным и Каменевым Зиновьев сказал мне: «Дорогая Надежда Константиновна, вы ведь прекрасно знаете, как мы все любили и ценили Ильича. И то, что он здесь пишет, – просто замечательно. Но поймите: не время сейчас! Ведь тут же призыв к гражданской войне, и нас просто не поймут. Вот здесь... „Кончить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения капитала... Никакой поддержки временному правительству“. И вот эти очень резкие высказывания в адрес всех прочих партий... Они сейчас тоже как бы не к месту... Да, мы придем

и к требованию государства-коммуны, и к смене названия партии на коммунистическую, и к отрицанию парламентского государства, но лишь тогда, когда молодая российская демократия как следует укрепится. А пока что не следует махать красным лоскутом. В нынешней ситуации важнее объединяться, а не разъединяться».

Тезисы так и не были напечатаны...

(«Апрельские тезисы» Ленина были впервые опубликованы в 1944 году – прим. ред.).

Биографические справки

В конце сборника имелись краткие биографические справки. Все, что касается биографий вплоть до 1917 года, полностью совпадает с тем, что известно нам сегодня. Но после этой даты начинается какая-то фантасмагория. Как ни странно, в книжке не оказалось биографических данных премьер-министра Временного правительства А.Ф.Керенского. Остается предположить, что авторы считали его столь широко известной личностью, что и деталей никаких не требовалось. Кстати, в год выхода книги тот Керенский, которого мы знаем, был еще жив. – Д.С.

Инесса Арманд (1874—1958) – известная русская революционерка, член партии большевиков, любовница В.И.Ленина. Родилась во Франции, где жила до пятнадцати лет. В России стала женой Александра Арманда, сына богатых

промышленников, от которого ушла к его брату Владимиру. Была матерью пятерых детей, при этом активно занималась подпольной работой. Была арестована, бежала из ссылки за границу. Преподавала в основанной В.И.Лениным партийной школе в Лонжюмо, а затем работала с ним в Париже. Вернувшись в Россию вместе с другими лидерами большевистской партии, участвовала в ее работе, была депутатом Думы. Вновь вышла замуж (за известного политика Бархатова). После самоликвидации большевистской партии возглавляла различные женские организации. До 1946 года была редактором журнала «Работница».

*(Известная нам Арманд замуж больше не выходила.
Умерла в 1920 году от тифа – Д.С.)*

Григорий Зиновьев (Радомысльский) (1883—1951) – один из лидеров большевиков, близкий друг Ленина и его соратник с 1903 года. Постоянный представитель большевиков в социалистических организациях Европы. Вернулся в Россию вместе с Лениным. Из-за разногласий с другими ведущими членами центрального комитета РСДРП не был избран в Государственную думу в 1918 году. Позднее сблизился со Сталиным, вместе с которым участвовал в Сталинском путче 1923 года. После выхода из заключения в 1930 г. активно занялся бизнесом. Открыл несколько молочных ферм в Екатеринославской губернии, стал крупным скотопромышленником.

(«Здеиный» Зиновьев разошелся с Лениным, выступил против его «Апрельских тезисов» и даже выдал правительству планы большевиков относительно вооруженного восстания. Казнен в 1936 году, в начале сталинского «большого террора». Реабилитирован в 1988 г. – Д.С.)

Лев Каменев (Розенфельд) (1883—1962) – соратник Ленина, член партии большевиков с 1903 года. Вел активную пропагандистскую работу в Москве, Тифлисе, Санкт-Петербурге. Неоднократно арестовывался. В 1914 г. возглавил редакцию массовой большевистской газеты «Правда» (выходила с 1912 по 1924 годы). С 1917 года активно выступал за сотрудничество с эсерами, меньшевиками и прочими партиями демократического направления. После Учредительного собрания избран в думу. Был членом нескольких российских правительств. В частности, занимал посты министра транспорта, внешнеэкономических связей, образования.

(Известный нам Каменев был осужден и казнен вместе с Зиновьевым по делу «Троцкисто-зиновьевского центра». Реабилитирован в 1998 г. – Д.С.).

Надежда Крупская (1869—1939) – жена Ленина с 1897 г. В юности занималась пропагандистской работой среди рабочих Санкт-Петербурга, за что была арестована и выслана. Была секретарем ленинской газеты «Искра» и секретарем Центрального Комитета большевистской партии. После 1917 года проявила себя как реакционный публи-

цист. Требовала восстановления в России цензуры и официального запрещения и изъятия многих литературных и философских произведений (в их числе – произведений Платона, Канта и др.). Выступала с резкими нападками на писателей и поэтов демократического направления (в частности, на К.И. Чуковского).

(Удивительно, что биографическая справка на Крупскую практически совпадает с тем, что нам известно о ней сегодня в «нашей» истории. Даже год смерти – тот же – Д.С.).

Павел Переверзев (1871—1956) – адвокат, политический деятель. Как и Ленин, начинал карьеру помощником присяжного поверенного. Сблизился с эсерами. Был защитником на крупных политических процессах. В частности, успешно защищал депутатов-большевиков, обвиненных в государственной измене. В 1917 г. – прокурор Петроградской судебной палаты и министр юстиции Временного правительства. В 1918 г. содействовал освобождению царской семьи, в 1919 г. сопровождал ее за границу. Министр иностранных дел с 1924 по 1927 г. Крупный бизнесмен и организатор российско-французских промышленных предприятий (производство пластмасс).

(«Реальный» Переверзев после Октябрьской революции скрывался от большевиков, затем эмигрировал. Умер в оккупированной Франции в 1944 г. – Д.С.)

Иосиф Сталин (1878—1924) – один из политических лидеров большевиков. Родом из Грузии. Был организатором так. наз. «экспроприаций» – нападений на инкассаторов с целью получения средств для подпольной работы. В 1912—1913 годах был одним из главных сотрудников газеты «Правда». В 1917 г., вернувшись из ссылки, вновь вошел в редколлегию газеты. В 1918—1923 г.г. – депутат Государственной Думы от большевиков. В 1923 г. совершил попытку государственного переворота и захвата власти (Сталинский путч). Погиб в тюрьме (убит сокамерниками, заподозрившими его – возможно не без основания – в связях с тюремным начальством и провокаторской деятельностью). Путч явился одной из главных причин, приведших к самоликвидации партии большевиков.

Николай Чхеидзе (1864—1926) – политический деятель, один из лидеров меньшевиков. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. был председателем Исполкома петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Принимал участие в заключении Брест-Литовского сепаратного мира с Германией. Член российской делегации во время послевоенной Версальской конференции. В 1921—1926 г.г. – министр обороны. Убит в результате покушения.

(Известный нам Чхеидзе после революции боролся за отделение Закавказья, был председателем Учредительного собрания Грузии. После вступления

Красной армии в Грузию бежал во Францию. Покончил с собой в 1926 г. – Д.С.)

Из послесловия к главе «Убийство В. И. Ленина»

Позволим себе пойти еще дальше в наших предположениях.

Мы знаем, что революция, подобно беспощадному Крону, пожирает своих собственных детей. Можно быть уверенными: приди ленинские радикалы к власти – и ничто бы их уже не спасло. Но не зря же Крона иногда отождествляли с богом времени Хроносом. Только время, столь же беспощадное и упрямое, могло бы вернуть Россию в русло нормального политического развития. Сам режим мог просуществовать значительно дольше его основателей. Продолжим аналогию с революционной Францией. Там могильщиком революции был Наполеон. В России им мог бы оказаться новый Нерон. И тогда страна продолжала бы свой путь под гнетом жесточайшей диктатуры, противопоставив себя остальному миру, в течение трех, а то и четырех десятков лет.

И вот тут мы подходим к принципиальному вопросу. Как известно, только мощное противодействие всех европейских государств, включая Россию, позволило окоротить руки Гитлеру. В 1938 году в Мюнхене все демократические правительства выступили единым фронтом против Германии, что привело к краху национал-социалистического правительства. Гитлер и его подручные ушли в небытие вместе со своими людоедскими «теориями» и планами мирового

господства. И я вновь и вновь спрашиваю: а если бы мир был расколот? Если бы государства Запада опасались не только гитлеровской Германии, но и враждебной им России? Если бы они предпочли Гитлера как меньшее зло? Страшно даже подумать, что могло бы случиться. Могла бы разразиться даже новая мировая война...

Учитывая тот прогресс в деле вооружений, какой мы наблюдали на протяжении последних десятилетий... Словом, новая война могла принести миру столь ужасные бедствия, которые мы с вами не можем представить в самом страшном кошмаре. Мы лишь должны быть благодарны (кому: богу, природе, истории или все тому же случаю?), что этого не произошло.

Но здесь мы уже вступаем в область совершенно необоснованных спекуляций и фантастики.

Основную идею этой публикации я позаимствовал из статьи британского историка Эндрью Робертса Andrew Roberts. Lenin is assassinated at Finland Station.

Гротескная параллель с убийством президента Кеннеди должна была придать рассказу дополнительную фантазмагоричность и еще раз подчеркнуть фантазийность всей истории.

Вскоре после публикации в торонтском еженедельнике мне позвонил редактор и сообщил, что со мной очень хочет поговорить один из читателей...

Судя по голосу, этот читатель был человеком немолодым. Он тут же с жаром принялся рассказывать мне, что обратил внимание на одну потрясающую особенность: имена убийц Ленина почти совпадают с именами тех, кто был замешан в убийстве Кеннеди! «Скажите, а убийцу Ленина действительно звали Лев Освальд?»

...Я опешил. Ожидал чего угодно, но это уж как-то слишком... Замямлил:

– П... простите, но ведь... Вы действительно не знаете, что Ленин умер своей смертью?

– Да знаю я, знаю! Он умер в январе 1924 года. Но вы ведь факты приводите! Вот я и думаю: почему ж у тех, кто Ленина убил, и у тех, кто убили Кеннеди, так имена совпадают? Может, эти люди как-то между собой связаны?

И тут я понял удивительную вещь. Два факта: «Ленин умер в январе 1924 года» и «Ленина убили в апреле 1917 года» мирно сосуществуют в голове этого человека, никак другу другу не противореча. Он верит обоим! Воистину, странная это штукавина – человеческое мышление.

Мировой заговор

Россия утратила аксиоматику. Здесь дискутируют о простейших физических понятиях. Дмитрий Быков. Из выступления в Челябинске 15 октября 2013

На днях довелось мне посмотреть забавный фильм российского телевидения. В фильме на полном серьезе утверждалось, что основные законы физики, на которых зиждется современная технология, – просто выдумка неких заговорщиков. А придуманы физические законы для того, чтобы наложить ограничения на возможности человека (и верно: ведь всякий закон есть некое ограничение). Таким путем заговорщики не позволяют людям полностью овладеть силами природы и держат народы в повиновении. Вначале я от души посмеялся, а потом подумал вслед за великим русским поэтом: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» И вот что у меня получилось.

Богат и славен город Акрагант в Сицилии. Куда до него захолустным Афинам! Народу в городе – что песчинок на берегу. И местных, и приезжих – многие сотни тысяч. Агора – более стадия в ширину и два стадия в длину, а как иначе вместить такую уйму людей во время народных собраний. Вот достроят с помощью богов-олимпийцев храм Громовержца

Зевса – все прочие города Ойкумены склонятся перед славою Акраганта. (И то сказать: двадцать лет идет стройка, а конца ей пока не видно).

А базары, где с рассвета и до заката толкуются люди, где заключают немалые сделки под колоннами старой дорической стои! А порт, куда приходят многочисленные тяжело нагруженные суда! Из Ионии, Фракии, Финикии... С Родоса и Крита...

...Финикиец Гергий торопился. Был он дороден и немолод. И жарко ему было под августовским сицилийским солнцем. Пыхтел, отирал с лица пот полой дорогого льняного гиматия. Миновал стелу с изображением Аполлона Агиэя, покровителя дорог, и подошел к богатому дому Павсания. В портике встретил его раб-привратник и провел в мужскую залу. Павсаний вышел навстречу. Облобызались.

– Гергий, друг любезный! Входи скорее да устраивайся удобнее на ложе. Сейчас принесут нам вина и фруктов. Давно ли прибыл? Что нового у вас в Сидоне?

– Какие уж там новости из нашего Сидона! Меня сейчас больше занимает то, что творится тут, у вас. Я уж третий день в Акраганте. Все не было времени снестись с тобой, но сегодня мне рассказали такое, что почти сразу прибежал к тебе.

– И что же такого необычного ты услышал?

– Видишь ли, Павсаний. По всему городу идут разговоры, что можно творить субстанцию из ничего.

– Да мало ли о чем болтают рабы на базарах!

– Да нет, не только рабы. Свободные люди, и весьма почтенные. А рассказывают они вот что. Лекарь Акрон держит у себя дома множество снадобий, которыми исцеляет хворых. Но не только эти снадобья. Есть у него всевозможные соли и прочие минералы, над которыми производит он различные действия, кои называет опытами. Смешивает их в тех или иных пропорциях, нагревает, сдавливают в особых прессах. Происходят при этом удивительные превращения. Даже стихии переходят одна в другую: стихия воздуха – в стихию воды. И наоборот...

– Не иначе, как без вмешательства демонов не обошлось, – прервал Павсаний.

– Акрон утверждает, что такова природа самих стихий. Но дело не в этом. С месяц назад он начал получать субстанции буквально из ничего.

– Как это – из ничего? Величайший из мудрецов, Фалес из Милета, учил, что все вещи имеют первопричину. Кстати, говорят, что родители его – ваши, родом из Финикии...

– Так ведь нынче, любезный мой Павсаний, куда ни брошишь камешек – попадешь в финикийца. Наши люди ведут дела по всей Ойкумене, от Иберии до Египта, состоят на службе у царей и вельмож. А сколько среди них знаменитых лекарей и ученых! Да ведь и этот самый Акрон – тоже финикиец.

– Вот потому-то и говорят в народе о финикийском заго-

воре. Мол, миром правят уже не цари, а стоящие у их тронов финикийцы.

– Много чего говорят. И заметь: те же самые говоруны, как только захворают, бегут к финикийским целителям. Так вот. Акрон может создавать нечто из ничего. И это нечто появляется само собой в плотно закрытой посуде. Как только я про это услышал, тут же отправился к нему. Не откажет же он в демонстрации своих опытов только что прибывшему собрату финикийцу. И верно: не отказал. Да он ведь любит похвастаться, как и все мы. В доме у него много всяческой посуды. Не только глиняной, а и дорогой, стеклянной. Берет этот Акрон посудину, переворачивает, дает мне в руки, дабы я убедился, что она пуста. Потом закупоривает, опускает в некий раствор. И – поверишь ли! – раствор этот вдруг закипел сам собою, хоть никакого огня под ним не было. Потом взял сосуд щипцами, поставил на гончарный круг, закрепил у самого края – и стал быстро вращать. Когда круг остановился, Акрон откупоривает посудину и высыпает прямо мне на ладонь с десятков пшеничных зерен.

– Наверно, стихия огня проникла внутрь, – задумался Павсаний.

– Говорю же: не было там никакого огня. А потом берет он другую посудину, тоже пустую, – и опять что-то с ней продельвает. Вот на этот раз он действительно прокаливал сосуд на огне, опять опускал во что-то, опять вращал. А потом остудил, открыл – и на ладонь мне упали листочки самого

настоящего золота! Уж в золоте я толк понимаю.

– И когда же они успели появиться?

– Откуда мне знать? За стекло ведь не заглянешь. Хотя приходилось мне слышать, что египтяне умеют делать стекло прозрачным. Такое стекло почти невидимо, словно воздух. Я думаю, этот Акрон заполучил где-то древние знания египетских жрецов. Он ведь не один год жил в Фивах.

– И что же тебя так напугало, любезный Гергий?

– Как это – что? Да если люди научатся производить товары прямо на месте, то зачем будем нужны мы, торговцы? Зачем снаряжать корабли, чтобы везти хлеб из Беотии, медь с Кипра и пурпур из Киферы? Ты знаешь, сколько я зарабатываю на доставке серебра из Сидона и мечей из Фракии? Конец богатству, конец достатку. И уже не мы будем диктовать демосу наши законы, а сами станем рабами законов.

– Ха! Десяток зернышек пшеницы!

– Сегодня это – десяток зернышек и один производитель, а завтра – тысячи производителей, десятки тысяч медимнов зерна. И не где-нибудь в Беотии, а прямо здесь.

Павсаний призадумался, потом заерзал на своем инкрустированном жемчугом ложе.

– Надо поговорить с мудрыми людьми нашего круга. Не мы одни заинтересованы в том, чтобы эти так называемые опыты не вышли за стены Акронова дома. Соберу-ка я завтра симпозион да позову самых знатных. И ты приходи. Сразу после захода солнца.

* * *

– А может... просто убрать его, этого Акрона, – да и все дела? – предложил скорый на решения Аристодем.

Легкий ветерок волнения пробежал среди восьмерых собравшихся. Ибо об этом с самого начала беседы думали все, да не решались обречь простую мысль в простые слова.

– Такое решение более подходит для эпохи варварства, – возразил рассудительный Агафон. – Не забывайте: на дворе уже пятый век до рождества Христова! – и он кивнул в сторону недостроенного общественного здания, что темнело мрачной громадой напротив дома. Не далее как сегодня каменотесы выбили под фронтоном надпись: «465 год до вашей эры», дабы будущим археологам не пришлось ломать головы над датировками.

– Всюду наблюдаем мы невиданный прогресс разума, – продолжал Агафон. – Человеческая мысль бьется над постижением сущности естества. Многие идут по этому пути. Доходит уже до того, что люди не просто размышляют о предначертаниях богов, но и сами начинают испытывать природу, подобно этому Акрону. Уберем его – появится кто-то другой. Нет. Нам надо ограничить этих смельчаков мысли в их исканиях. Положить некие пределы, за которые их разумение выходить не должно.

– Да, – одобрил Гергий, – не только в Лидии или Финикии есть мудрецы. Здесь тоже найдутся мужи, что смогут направить людей по нужному нам пути. Вернее, отвратить от того

пути, что для нас гибелен.

– Клянусь Зевсом, ты прав! – воскликнул Павсаний. – И все мы тут знаем по крайней мере одного, кто как раз подходит для этой цели.

Пирующие с любопытством повернулись к Павсанию, ожидая имени.

– Эмпедокл, – произнес тот.

Люди призадумались.

– Помните, как Эмпедокл добился казни двух архонтов, замышлявших переворот и желавших установить тираническое правление?.. А роспуск Тысячного собрания? Это его рук дело, а ведь в собрании заседали весьма влиятельные люди.

– А ведь и верно, – сказал Агафон. – Эмпедокл молод, но мудр. И не гнушается политики, не то что многие прочие мудрецы. Он сумеет внушить народу правильные мысли. Я завтра же с ним поговорю.

– Но не пора ли нам расходиться по домам? – встрепенулся молчавший до того Тимей. – Это ведь Эмпедокл сказал, что акрагантяне едят так, словно завтра умрут, а дома строят так, словно будут жить вечно!..

* * *

Прошел месяц – и рапсод Клеомен огласил на Олимпийских играх Великое Правило Эмпедокла: «Ничто не может произойти из ничего, и никак не может то, что есть, уничтожиться».

И повсюду люди опять и опять повторяли эту емкую и всеобъемлющую формулировку: «Ничто не может произойти из ничего»...

– Ну что ж, – обратился Павсаний к собравшимся. – Пока что мы в безопасности. Вряд ли кто решится теперь опровергнуть Великое Правило. Оно уже прочно засело в умах. Однако, этого мало. Акрагант – еще не весь мир. И нынешнее десятилетие – еще не вся история. Наши люди должны принести этот закон на материк, в Лидию, Фракию, Египет, во все самые дальние уголки мира, дабы и там не возникало ни у кого соблазна творить субстанцию из ничего.

– Можешь не волноваться на этот счет, Павсаний. Наши купцы будут возить теперь не только товары, но и Знание.

– Мы должны теперь сколотить тайное общество из самых надежных и самых богатых людей. Только им дано будет узнать, что Великое Правило Эмпедокла – не более, чем наша выдумка. Люди эти посвятят своих детей в тайну закона, и те сами станут охранять его. Так наша власть продолжится на сотни поколений вперед.

– А если кто разорится и выдаст нашу тайну непосвященным?

– Тот, кто разорился, нам уже не опасен. Разве вы не знаете, что один голос человека богатого и влиятельного перекрывает сотни голосов бедняков?..

* * *

– Павсаний! Неприятная новость. У нас опять проблемы

с этим Эмпедоклом.

– И чего же он хочет на этот раз? Мы вроде бы хорошо ему заплатили. И разве не достаточно ему той славы, в лучах которой он теперь купается? Помнишь, с какими стихами он в прошлый раз вышел к народу? «Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь смертных, шествую к вам...»

– Ах, Павсаний, деньги и слава развращают человека. Эмпедокл закатывает теперь богатые пиры, носит самую дорогую одежду. Обряжается в киферский пурпур. Ты знаешь, все говорят о его необычных сандалиях. Сделаны они из меди. Похоже, он и вправду возомнил себя богом. И при этом денег ему явно не хватает. Он хочет регулярно получать десятую долю от наших доходов. Иначе грозитя всенародно опровергнуть свое правило и очернить нас в глазах демоса.

– Одним словом, он грозитя рассказать правду? Что ж... Делать нечего... Через два дня Эмпедокл устраивает жертвоприношение на Писианактовом поле, близ Этны. Я приглашен и сделаю так, чтобы тебя тоже пригласили, Тимей...

* * *

– Павсаний, Павсаний, вставай скорее!

– А что случилось?

– Эмпедокл пропал!

– Как это «пропал»?

– Помнишь, после торжеств мы все улеглись, и все видели, как и Эмпедокл лег спать вон под тем деревом? Утром поднимаемся – Эмпедокла нет. Уж и рабов его допросили.

Они ничего не знают.

– А кони его на месте?

– Кони на месте, а самого Эмпедокла нигде не видать.

Встревоженный Павсаний заметался по поляне.

– Седлать лошадей! Едем на поиски. Разобьемся на четыре группы...

Но с северной стороны уже бежал к ним невесть откуда появившийся Тимей.

– Погодите! Погодите! Я все видел. Случилось такое, что нам впору лишь молиться!

Тимей отдышался немного и продолжил.

– Вы же знаете, я тоже лег в стороне, недалеко от Эмпедокла. И вот ровно в полночь вдруг раздался прямо с небес нечеловечески громкий голос: «Эмпедокл! Встань и иди!» Я тут же вскочил и увидел, что небо светится. Впереди словно зарница блестела и медленно двигалась в сторону вулкана. Эмпедокл поднялся и пошел. Я – за ним. А блеск – все ярче. Пройдя сотню шагов к Этне, а тот же голос вдруг приказывает: «Тимей! Вернись! Нам нужен лишь Эмпедокл». Что было делать? Вернулся я на место. Ждал Эмпедокла час-другой, а потом и не заметил, как задремал. А он сейчас наверняка беседует с богами.

– Ясно, – промолвил Павсаний. – Идем к Этне. Возможно, он там.

...Они поднимались все выше к дымящемуся жерлу вулкана. Слышно было, как хлюпают, взрываясь, пузыри в озерах.

цах горячей гряды. Земля, вся в потеках застывшей лавы, была горячей. Высоко-высоко, над самым жерлом, сгущались грозные облака.

Тимей забежал вперед и исчез в поднимающихся кругом туманных испарениях, но через полчаса вдруг появился, крича и размахивая каким-то небольшим предметом. Вот он спустился ниже – и все увидели, что в руках Тимей держит медную сандалию.

Павсаний повертел сандалию в руках и торжественно произнес:

– Боги призвали к себе нашего друга Эмпедокла. Пойдемте же и воздвигнем ему святилище!

Началась гроза. Путники повернули вниз, в долину...

* * *

Граф Штаремберг был заметно взволнован.

– Мы проморгали Баварию, проморгали Пруссию! Более двух тысяч лет наше сообщество успешно выполняло миссию, возложенную на нас предками. Сколько ни бились все эти алхимики, они так и не научились творить субстанцию. А почему? – Да потому, что искали совсем не в том направлении! И согласитесь, барон: в том была немалая заслуга наших людей. Это ведь именно они подбросили книжникам идею философского камня. Идею, основанную не на сотворении, а на превращении веществ. А что мы видим теперь? В Шпайере появляется этот врач Бехер с его опытами, с его «огненной материей». Мы-то с вами знаем, что никакой ог-

ненной материи не существует, что субстанция в его опытах просто творилась из ничего. А теперь на горизонте возникает этот самый Георг Шталь с его теорией флогистона. Тут уж не просто опыты. Тут целая теория. И заметьте: очень опасная теория.

– Вы зря так волнуетесь, граф. Подобное уже происходило раньше. И каждый раз неугодные нам теории не намного переживали своих творцов. Мы найдем человека, который основательно и неоспоримо опровергнет теорию флогистона, противопоставив ей какую-нибудь другую, более подходящую для нас. Конечно, потребуется время...

– И все-таки нам надо быть более предусмотрительными. Опасные повороты событий надо предупреждать. Это проще, чем ликвидировать их последствия. Вот об этом, кстати, я и хотел поговорить. Вам не кажется, что в мире появляется новый объект, требующий нашего пристального внимания?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду Россию, барон. Покойный царь Петр создал там академию наук. В ней работают ученые из германских княжеств. И весьма успешно работают. Если мы не примем своевременных мер, то новые опасные эксперименты и теории вскоре появятся именно там. Я в этом почти уверен.

Барон улыбнулся.

– Вы нас недооцениваете, граф. Мы уже принимаем превентивные меры. Российской академией наук занимается наш человек.

– И кто же это?

– Барон Иоганн Альбрехт фон Корф. Вся российская академия в его ведении.

– А что конкретно он предпринял для предотвращения нелепых идей?

Барон смутился.

– В сущности, пока ничего. Явных поводов еще не было.

– Вот об этом я и говорю. А действовать уже пора. Пускай-ка этот Корф выберет одного-двух студиозусов, из самых талантливых. Да не германцев, а из тамошних исконных жителей. В России завидуют и не доверяют чужеземцам, хотя охотно пользуются их услугами. Так что желательно даже, чтобы кандидатуры были не знатных родов. Тогда авторитет их будет непререкаем. И в ученой среде, и у разного рода прожектеров.

– И что дальше?

– А дальше пусть пошлют их к нам на учебу. А мы уж найдем, как повернуть их обучение в нужном нам направлении. И вот тогда мы сможем быть спокойными за российскую науку.

* * *

...Михайло Васильевич задумался немного. Бог его знает, этого Бойля. Может, и впрямь было что-то в его опытах. Нечто незамеченное. Такое, что могло бы их и объяснить, и представить в ином свете. Авторитет все-таки. Оксфордский профессор...

Но Ломоносов быстро стряхнул наваждение, снова взялся за свое любимое, порядком сточенное перо с короткой разламаченной бородкой, обмакнул его в малахитовый чернильный прибор и быстро застрочил по бумаге: «Деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес от чистого жару; оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере...»

Потом подумал еще с минуту и написал заключительный – обобщающий – абзац:

«Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимется у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого»...

* * *

– А ты уверен, что такое общество существует, гражданин Альбер? Еще один заговор аристократов?

– Да я это наверняка знаю, гражданин Фуркруа. Они много лет собирались у герцога де Марни, замышляя козни против народа. И Лавуазье – один из главных заговорщиков. Теперь де Марни казнили, а этот Лавуазье ходит себе на свободе. Мало того, он заседает теперь у вас в академии наук. Он состоит казначеем одной из комиссий, и республика вверила ему крупные суммы. Могу представить, на что Лавуазье расходует эти деньги.

– Но ты говоришь, что они собирались на свои тайные встречи еще при старом режиме. Как же они уже тогда могли злоумышлять против республики?

– Ну, я не говорю, что они злоумышляли именно против республики, но против народа – это точно. Люди там были все богатые и знатные.

– Надо немедленно сообщить об этом Марату.

– Что, самому Другу народа?

– Если наша задача состоит в том, чтобы уничтожить Лавуазье, то Марат – самый подходящий для нас человек. Революционный трибунал всегда прекрасно понимает, чего хочет Жан-Поль Марат. А хочет он обычно одного и того же. И уж в нашем случае наверняка будет настаивать на крайних мерах.

– Вы уверены?

– Во-первых, что это за «вы» между равноправными гражданами республики? А во-вторых, Марат и сам не чужд наукам. Он ведь доктор медицины и даже публиковал кое-какие труды по тем же вопросам, что и Лавуазье. Марат долго жил в Англии. Он – приверженец традиционных теорий, процветавших в годы его молодости.

– Вы... Ты хочешь сказать, что Марат захочет уничтожить Лавуазье из-за научных разногласий?

– Я этого не говорил. Но всякий, кто соприкасался с науками о природе, должен будет согласиться, что именно Лавуазье ниспроверг старые представления, столь любимые ан-

гличанами. Ну, кто будет теперь всерьез говорить, например, о флогистоне? Впрочем, научные заслуги не оправдывают контрреволюционной сущности этого Лавуазье...

...Они приблизились к зданию Медицинской школы, где жил Марат. Еще издали услышали сильный шум. К дому было не подойти: вокруг бушевала огромная толпа. Вначале ничего невозможно было понять. Потом по возгласам, репликам, обрывкам фраз нарисовалась картина происшествия: Марат убит.

Альбер выглядел совершенно растерянным.

«Ничего, – подумал Фуркруа, – справимся и без Марата».

А вслух произнес:

– Какая потеря для революции!

* * *

Повозка подкатила к площади Революции около трех часов дня. Лето только начиналось, но уже давала себя знать душная парижская жара. Народу, как всегда, собралось много. За последние полтора года парижская публика еще не насытилась ежедневными картинами проливаемой крови.

«Да, – подумал Лавуазье, – из всех зрелищ только одно не приедается черни: публичная казнь».

Он стоял в повозке без своего обычного парика, со связанными за спиной руками. От этого голова осужденного была приподнята, что придавало ему гордый вид.

Отмененная якобинцами католическая религия учила, что надобно прощать своим палачам и мучителям. Однако

Лавуазье и при старом-то режиме не был ревностным католиком. И не собирался прощать. Ни жалкому выскочке Марату, возомнившему себя великим ученым, ни тем, кто пришел потом. Лавуазье даже радовался, когда узнал о гибели своего ненавистника. Не потому, что жаждал его смерти. Ему просто казалось, что теперь наступит конец преследованиям, обвинениям, доносам. И жизнь – его самого и его семьи – перестанет висеть на волоске, как это было последние пару лет. А радоваться было рано. Когда делами академии наук в Конvente стал заведовать Фуркруа, академикам пришлось несладко. К ним теперь относились с нескрываемым подозрением как к пособникам контрреволюции. Пожалуй, выиграли от перемены только политиканы от науки, что всегда умели приспособливаться к обстоятельствам, а из всех видов доказательств предпочитали политическую риторику.

А член революционного трибунала негодяй Коффиналь, приговоривший его к смерти со словами «Республике не нужны ученые»? А покровитель Коффиналя Робеспьер, бросивший вслед за Коффиналем: «Революция нуждается не в химиках, а в патриотах»?

Лавуазье не мог знать, что и Коффиналь, и Робеспьер очень скоро придут на это самое место на площади Революции в таких же повозках, в какой сейчас доставили его.

...Гвардейцы вывели его из повозки и уложили на помост. Рухнул нож гильотины. Голова Лавуазье упала в корзину...

– Всего мгновение потребовалось им, чтобы срубить эту голову, но и за сто лет Франция не сможет произвести другой такой, – заметил Лагранж.

«А ведь этот Лавуазье был только игрушкой в наших руках», – подумал его собеседник, но вслух ничего не сказал.

* * *

– Вы слышали об опытах Тесла, барон?

– Никола Тесла? Ну, кто же о нем не слышал!

– И вам не кажется, что нашему древнему сообществу опять пришла пора действовать, и действовать решительно?

– Напротив, мне казалось, что всё идет как нельзя лучше. Насколько я понимаю, наши отцы-основатели завещали нам хранить и оберегать закон сохранения вещества. Мы добавили закон сохранения энергии. И сделали это весьма своевременно и успешно. Мы сразу поняли, что сотворение энергии из ничего не менее губительно для нашей власти, чем сотворение материи. Пожалуй, даже более губительно. В наше время власть над энергией – это власть над миром. И поглядите: ни одна академия наук сейчас не рассматривает проекты, отрицающие закон сохранения энергии. И это – главная наша заслуга.

– Да, прямые попытки создать вечный двигатель теперь вызывают только смех. Но могут быть и косвенные попытки.

– Что вы имеете в виду?

– Тесла вроде бы заметил, что творит энергию из мирового эфира. Он не говорит о получении энергии из ничего.

И тем не менее...

– И тем не менее, это оно и есть, сотворение энергии из ничего, из пустоты, которую мы теперь называем эфиром.

– Вот именно. И у нас уже готов план действий. Необходимо построить новую физическую теорию, которая, во-первых, не будет включать понятие эфира, а во-вторых – свяжет воедино вещество и энергию. Таким образом получится, что охраняемые нами законы относятся не к отдельным сущностям, а напротив того – представляют проявления единого начала.

– Одной идеи мало. У нас говорят: «нужна идея и парень к ней».

– Живет такой парень! – и звонко засмеялся, довольный своей остротой. – О нем и речь. Я хотел бы, чтобы вы с ним познакомились. Его жена работает в имении вашего отца. Парень очень талантлив. Служит в патентном бюро. Сильно увлечен физикой. Он в курсе всех новых теорий. Остается только повернуть работу его мысли в должном направлении, как мы это всегда делаем.

– И как же зовут молодого человека?

– Альберт Эйнштейн...

2013

История с географией

Палатка капитана Кука

Я не задавался целью подробно рассказать о капитане Куке. И уж тем более не собирался писать его психологический портрет (для такого портрета просто нет данных). Образ прославленного капитана – лишь повод поговорить об истории...

(Фотографии принадлежат автору, репродукции взяты из открытых источников).

Ну что, друзья мои-приятели? Вот сижу я здесь с вами за элем... С виду – человек как человек. Вроде вас, только постарше малость. А может, я уже и не человек совсем? Теперь я часто бываю вроде пророка. Всё мне ведомо. Все языки, все народы. Все вижу, все знаю на сотни лет вперед... Вижу: стоит сейчас на другом материке, за океаном, палатка моего капитана. Одна палатка, и только лес кругом да вода озерная. А ведь с той палатки большой город начнется...

Да, скоро уж и новый век наступает. Деятнадцатый. Каким будет, что в нем случится? Ой, много всего! Ни представить того не можем, ни помыслить о том. А наш век – уж и по боку? Варварство, мол, междоусобицы... Нет, шалишь!

Не забудут ни нас самих, ни век наш... И напишут: «О нет, ты не будешь забыто, столетье безумно и мудро». Это ж мы всю землю прошли, всюду проникли. После нас и белых пятен на карте не осталось...

Так говорите, про капитана моего рассказать? Для вас он уже вроде легенды, капитан Джеймс Кук... Сказка, дела давние... А я с ним за два десятка лет столько морей прошел, с капитаном моим, – вам и не снилось. И в первом его плавании был, и в последнем. Привечал он меня. Как набирает команду – так уж мне и дает знать. Пойдешь, мол? Так ведь с таким капитаном куда угодно пойдешь.

Когда ты на берегу, так торчишь среди потока, как тростинка прибрежная. Кажется, что и движение есть, и вода вокруг бурлит – ан нет: то время тебя обтекает. А сам ты все на том же месте. Зато когда в плавании, в походе, – тут уж от жизни не отстаешь. Она не вокруг тебя, а вместе с тобой движется...

Попал я к нему на «Пемброк» в пятьдесят девятом, после Луисбурга. Как Луисбург брали, я вам как-нибудь после расскажу. А уж как через океан к нему шли – и вспоминать не хочется. Пока до Америки добрались, многих товарищей за борт спустили. Каждый день умирал кто-нибудь. Когда подошли к Новой Шотландии, всех качало. Да не волнами океанскими, – болезнью. Во рту все время кровь, десны вздулись, зубы гнилые на палубу выплевываем. Полэкипажа – в лежку. Я-то еще держался, по две вахты выстаивал...

Потом уж узнал, что и на корабле Кука такое же было. Сам он мне говорил, что двадцать девять человек потеряли они в походе. Но то была ему наука. Ведь чем он от других капитанов отличался? – А тем, что из всего для себя науку извлекал. Учился до самого конца своего. И во все свои походы запасал он лимонный сок, капусту, яблоки моченые. Нас так и прозвали: лимонники. Силком эту кислятину пить заставляли. Зато и люди его болеть перестали. Откуда он прознал про средства эти – бог весть. А там и другие капитаны, на него глядячи, тоже народ беречь стали. Это тебе не каботажное плаванье. Месяцами берега не видишь. Что взял на борт – то и жрешь день за днем.

Джеймс Кук. Портрет работы Натаниеля Данса. 1775

Так вот я и говорю... Взяли мы Луисбург. Потом уж приказ пришел сравнить его с землей. Мы в том не участвовали, дальше пошли, на Квебек.

Я к тому времени уже хорошо познал наше мореходное дело. В картах разбирался. Лаг и лот были лучшими моими приятелями. И вот объявляют: «Пойдешь на „Пемброк“ в распоряжение капитана Джона Симко для картографирования местности». Мне, признаться, не очень-то хотелось переходить на другой корабль. Здесь я уже всех знал. Ребята – свои в доску, начальство не обижает. А там, гляди, какой-нибудь аристократ-самодур измываться начнет. Да кто ж нас, матросов Его Величества, спрашивает?

Как прибыл я на корабль, там уж и капитан сменился. Аккурат за день до моего прихода Джон Симко умер от воспаления легких. Скрутило его буквально в одночасье. Только что кораблем командовал – и вот уже лежит хладным трупом. А в Британии – вдова и трое детей малых...

Представляюсь новому капитану. Вижу – молодой совсем, на вид лет тридцати, не больше. Сам высокий, рослый. Лицо – красное, обветренное, кожа шелушится. Грубоватое такое лицо. И руки – большие, с крепкими пальцами. На аристократа ну никак не похож! Потом уж узнал: никакой он не дворянин, а сын простого фермера. В прошлые времена, при Карле Первом, его бы и на пушечный выстрел до капитанства не допустили. Да у нас много тогда переменилось. Теперь вот и французы у себя новые порядки наводят. И у них безродные в большие чины вышли...

Объясняет мне капитан задачу. Необходимо провести весь наш флот – все двести судов – по реке Святого Лаврен-

тия прямо к Квебеку. И дело это – ох непростое! Лощий нет, подробных карт нет. Если что имеется – так только у французов. Заполучил капитан кое-какие французские карты, так там даже береговая линия нанесена по-разному. На одной карте – эдак, на другой – по-другому. Поди разберись! А надо. Океанские корабли по реке вести – это, скажу я вам, задача! Не дай бог сядет судно на мель – как снимать под прицелом французских пушек? Но капитан мой – даром что крестьянский сын – а голова! Дай бог каждому министру такую. Запирается у себя в каюте и сличает, чертит...

Входим в устье реки. Ну – скажу я вам! Много рек видал и до, и после, но такого простора, как там, нигде не сыщете. Вот хоть Нил. Бывал я на Ниле. Да, огромная река, длины невероятной. Откуда начало берет – неведомо. Но река, как река. Вот здесь – один берег, вон там – другой. А на Святом Лаврентии и не понять, река это или море. Другой берег тает, размывается в голубой дымке на самом горизонте. Недаром же капитан Картье решил, что это он в океанский залив вошел. Так и назвал «Залив Святого Лаврентия». И идет наш «Пемброк» по этому простору в одиночку, гордый, важный. Наставил все свои шестьдесят пушек – не суйся!.. Подальше на запад река чуть поуже стала. Левый берег – пологий, низкий. Леса да болота. А правый – высокий, каменистый. Скалы отвесные. И наверху – французские пушки. Знают французы, что мы идем, ошетинились...

И пошла у нас с Куком работа. Болтаемся от берега к бе-

регу, наносим на карту каждую бухточку, каждый островок. И как же ловко все у него получалось! Сам секстан берет, сам триангуляцию делает, сам береговую линию рисует. Даже ночью ему покоя нет. Проверяет долготу места по обсервации луны. Подгоняет «Пемброк» совсем близко к берегу, а ведь судно немалое, четвертый класс, осадка – дай бог!

– Сэр, – говорю ему, – ближе никак нельзя. Того гляди в прибрежную косу уткнемся.

– Ладно, – отвечает, – спускайте бот.

Подходим ближе к берегу на боте, делаем промеры глубин... Словом, через месяц-другой вся акватория была на Куковых картах. Вновь вниз пошли, там уж весь британский флот собрался. И потянулась за нами длинная эта вереница. Смотришь на восток – мачты, паруса – до самого горизонта. И мы впереди всех. Тянем за собой корабли, как на веревочке. Кук – на мостике, спокойный, деловитый. Командует... А лето меж тем уже кончается. Ночью прохладно, а по берегам, среди зелени, бледно-желтые пятна пробиваются. Зимовать здесь не будем – это и крысам корабельным понятно. Значит, пойдут скоро ребята на штурм...

И тут уж стали мы с флагманским кораблем вдоль реки шастать, место выбирать. Сам главнокомандующий генерал Джеймс Вулф на палубе. Подзорную трубу наставит и в берега вперяется. Посмотрит-посмотрит, потом головой покачает. Всё не то, мол... Дальше идем. Я Вулфа видывал вот как вас сейчас. Большеносый такой. И глаза большие, грустные.

На подбородке – ямочка. А за париком-то не больно следил. Вечно он у него съезжал да лохматился. Рыжеватый такой паричок. Пудры жалел, что ли?

Меня зло разбирает: ну, сколько так можно болтаться? Солдаты у него болеют сотнями. В командах уж ропот пошел. Того гляди – бунты начнутся. Да и зима не за горами...

И вот как-то гляжу я: одну бухточку очень уж серьезно осматривает, явно дольше обычного. Я б на его месте и приглядываться не стал. Обыкновенная бухта в паре миль от форта, а над ней – утес футов в полтораста, не меньше. А он кивнул этак спокойно и велел назад поворачивать. И к вечеру пошли на кораблях приготовления. Народ туда-сюда бегают, шлюпки готовят.

– О господи! – говорю. – Неужто он со своими ребятами на скалы полезет? Да их там перестреляют всех, как лесных петухов!

У меня среди офицеров много добрых знакомых было.

– С него станется, – говорят. – Или ты не знаешь, что генерал Вулф – сумасшедший?

Оказывается, когда король наш покойный Георг решил поставить Вулфа командующим, многие возражали. Дескать, с головой у того не в порядке. Ненормальный совсем.

– Ничего, – отвечает король. – Может, кого из моих генералов покусает – так это бы неплохо.

После уж ребята сказывали, как всё было. Мы-то в сторонке стояли, потому как наша забота – корабли провести, а уж

остальное – дело солдат Его Величества. Еще за пару дней до того предупреждали французского командующего Монкальма: пойдут скоро англичане на штурм, и не иначе, как со стороны Авраамова плато. А тот им:

– Мне доподлинно известно, что у неприятеля нет крыльев.

Гордый был да самоуверенный, царствие ему небесное...

Как объявил Вулф своим офицерам место высадки, те аж обомлели. Да как, мол, такое возможно?

– Потому и пойдём с юго-запада, что нас оттуда никак не ждут. Я сам, – говорит, – в ответе перед Его Величеством и народом.

И пошли наши боты неспешно да без шума. Ночь осенняя, темная. Народ на лодках хмурый сидит. Разговаривать не велено. Часовые французские их заприметили-таки сверху. Окликнули. Да и то сказать: три с лишним тысячи человек, да при оружии, да с пушками... А капитан Фрезер из лодки им что-то эдакое загнул на чистом французском – наши ребята ничего не поняли. И сверху: «Пассе! Пассе!» Проходите, мол.

Какое чудо помогло ребятам в ту ночь на скалы влезть – одному богу известно. Сто раз их могли увидеть да и сместь шрапнелью. Французский дозор эти скалы обходил еже-нощно. И надо же: как раз в тот вечер у командира дозора лошадь уперли! Кто стащил, какие конокрады? Не похоже, чтобы англичане заранее кого-то подослать смогли. Или был-

таки свой человек во вражьем стане?

Поутру, как солнце поднялось, увидели французы наши полки в полном боевом порядке. Наших-то маловато было: три тысячи против десятка тысяч французов. А поле – от берега и до леса – без малого в милю шириной. Вот и поставил генерал Вулф два ряда вместо трех.

Мы стоим против берега. Все на палубе. Ждем, что ж будет. Тихо, только река плещет... И вот – пальба. Ничего не видим, что там наверху делается, только слышно: хлоп... хлоп... Как сучья в костре. А потом завидели мы дым. Мне даже показалось будто гарью потянуло. Горит что-то, а что – не поймешь. Оказалось, наши на левом фланге перестрелку затеяли, столкнулись с отрядом французских ополченцев. Там как раз мельница стояла и несколько домишек. Как стали англичне ополченцев теснить, те и подожгли и дома, и мельницу. Чтобы англичанам, значит, не отдавать. А нашим дым только на руку. Прикрыло ребят занавеской этой, не видно их совсем, и сколько там народу – не разобрать.

А пальба меж тем – все громче и чаще. Только слышим: вразной палят. У ополченцев французских – винтовки. Это тебе не мушкет. Ствол нарезной, пуля летит вдвое дальше. А что толку, когда порядка в стрельбе нет? Англичане залегли себе и ждут. Генерал Вулф приказал заложить в мушкету по два заряда и не стрелять, пока неприятель вплотную не подойдет. Признавались потом ребята: нелегко, ох нелегко им было держаться! Французы все ближе и ближе, а впе-

реди – сам Монкальм на вороном коне скачет, шпажкой воздух метелит. Вот сейчас пойдут в штыковую атаку, сметут всех к чертовой матери. И тут: «Огонь!». Встали наши солдаты да и дали залп. Почитай, четверть наступающих тут же грохнулась оземь. Остальные остановились, как в стену врезались. А наши сделали шаг-другой вперед – и снова дали залп. В упор, так что их самих кровью забрызгало...

Что тут началось! Стоны, крики. Раненые, умирающие на земле корчатся, кровь кругом. Бегут французы, бегут в панике. Только Монкальм на своем вороном еще вперед рвется. И тут сзади, с пригорка, наша пушка ударила. Шрапнелью. Генерал на лошади назад качнулся, потом коня поворотил – и вдруг сразу весь обмяк, к крупу привалился... И понес его конь назад, в город Квебек. Там он на другой день и помер.

Англичане тоже бегут, неприятеля преследуют. А того и не знают, что их командующего уж и на свете нет. Бывает так с командирами: то стоит он, как заговоренный, посреди шквального огня – и пули его будто облетают, а то вдруг словно приманивает смерть свою. Плохой был тот день для Вулфа. Еще утром, до наступления, зацепило ему руку. Перевязал наскоро, наблюдает за боем. И как раз перед нашим залпом, может минуты за две до того, – сразу две пули: одна в живот, другая в грудь. Упал командующий, кровью обливается. Адьютант кричит ему: «Сэр, они бегут!» – «Кто?» – «Неприятель бежит!» – «Ну, слава богу. Можно и умереть

спокойно». И тут же богу душу отдал.

Вот так оно было на Авраамовом плато. И перешла к нам Канада с ее лесами необъятными, с озерами да реками без счета. Не одолей мы тогда, под Квебеком, так у Британии сейчас бы и вовсе владений в Америке не осталось. Новая Англия-то, вишь, откололась. А Канада – она британская. Знаю: надолго, на века...

Бенджамен Уэст. Смерть генерала Вулфа. 1770

А в последнем нашем плавании не нравился мне Кук, ох не нравился! Поверите ли: когда он погиб, я не то чтобы ра-

дость, но какое-то даже облегчение испытал. Взятся он искать этот чертов Северо-Западный проход. Другой бы порыскал-порыскал, да и вернулся бы в Англию. Не пройти, мол, к Индии через эти льды. А наш одержимый был. Мы скоро поняли, что не успокоится, куда и себя и всю команду не погубит. Да вот уберег нас господь. А его – нет.

И крепко страдал наш капитан разлитием желчи. Это и без подзорной трубы видно было. Кожа на лице желтая, под глазами мешки, а сами глаза постоянно злые, искры мечут и вроде бы даже размером меньше стали. Упрям стал, слушать никого не хочет. Но, видать, и сам понял, что до зимы нам никак не управиться, пора к теплу возвращаться. Когда повернули на юг и пошли обратно, к Сэндвичевым островам, мы было обрадовались. Сойдем, дескать, на берег. Всей команде – отдых, климат там – наиприятнейший, девки – загляденье: и поют, и танцуют, и сами к мужикам ластятся. Так ведь нет! Не так все получилось. На берег не высаживаемся, идем в лавировку вдоль берега. И первым делом Кук настрого запретил туземных девок касаться. «Ах вы, – говорит, – наглые сифилитики! Небось у каждого второго – дурная болезнь, а туда же... Девки им подавай!» «Скоро, – говорит, – вашими трудами, ни одного туземца на островах не останется по всему Тихому океану!» А то не берет в расчет, что ребята уже третий год в плавании. Мало того, что всякой дрянью пичкает, вместо грога нашего любимого какую-то бурую настойку сует, – так еще и баб не трогай!

А уж чтобы подстрелить туземца – и думать не смей. Матросы его величества большого греха в том не видели. То же не христианскую душу погубить. Бывало, постреливали беспричинно, для забавы. Но у Кука такого и в заводе не было...

Ну, короткие вылазки на остров иногда делаем. Принимают нас хорошо, радушно. Меняем там топоры, гвозди и прочие железки на местные товары: съестные припасы, копру, древесину. Да и по женской части... Запрет – запретом, а природа свое берет.

Подходим наконец к широкому заливу. Утесы... Длинные две гряды. Желтые, как охра. В море вдаются по обе стороны залива. Хижины на берегу. Потом уж рассказали нам, что в этих голых скалах туземцы вождей своих хоронят. Одни только кости прячут в расщелинах, прости господи. Плоть снимают...

Спускаем шлюпки. И... сроду такого не видывал. Встречают нас. Да не просто встречают, а с каким еще почетом! Десятки, сотни каноэ на воде. Сопровождают шлюпки к берегу, а там уж толпы. И кричат, ликуют. Мы одно только слово и разбираем: «Лоно! Лоно!» Выходит вперед один крупный такой, разодетый, на голове – пышный убор из птичих перьев. И тоже: «Лоно... Лоно...» И на капитана нашего показывает. Кук выходит вперед, поклонился слегка. Понял, что перед нами Великий Жрец. И без всякого страха, без опаски пошел за ним. Мы следом потянулись. Идем по живому коридору, островитян разглядываем. Народ в украше-

ниях, венках. На женщинах – юбки из пальмовых листьев, а выше – ничего. Благодать!

Заводят нас в какое-то строение за частоколом, а там – деревянные идолы со страшными рожами. Большие, в два человеческих роста. Подводят к ним нашего капитана, усаживают, скрещивают ему руки на груди, хороводы какие-то начинают водить. Поют, выкрикивают что-то, погремучками своими бренькают. А Кук – ничего. Сидит себе торжественно и молча. И вправду на их идола стал похож. Фрукты ему подносят, гирлянды цветочные. Аромат стоит, аж голова кружится.

А как закончились все эти церемонии, выводят нас из храма. Осмотрелся Кук и объясняет жрецу: нельзя ли, мол, мне вот здесь, по соседству, свою палатку поставить? А объясняться с местными мы уж умели. Больше знаками, но и слова кое-какие знали... Согласился жрец, даже вроде бы обрадовался.

Палатка у Кука знатная была. Просторная, высокая. Пол настильной из мелких досок. Он в ней всегда и инструменты свои держал, и сам обитал, когда на берег высаживался. Ему ведь по ночам за светилами наблюдать. Брезент надежный, хоть и выцвел слегка на солнце. Внутри свободно во весь рост стоять можно. Сколько раз, бывало, натягивать ее приходилось. И где только она не стояла. И на дальнем севере, на русских берегах, и на острове Пасхи, и в южных морях...

Живем на острове, покоем наслаждаемся. Оба корабля –

на якоре. А капитана местные жители так и зовут: Лоно. Ну, он не возражает. Лоно так Лоно. Смешно даже: офицеры его тоже стали этим именем кликать. Своими ушами слышал: «Мистер Лоно...» И опять не возражает капитан...

Так прошел январь. Февраль наступает. В дорогу пора. Снова на север. К алеутам, к эскимосам. Пока дойдем там, глядишь, и весна наступит – самое время на восток пробиваться, к дому...

Провожают нас с почестями. Даже их храм, возле которого палатка Кукова стояла, нам отдали. И как это умудрился наш капитан святыню местную выпросить!.. Разобрали там кое-какие из построек. Дерево на корабли доставили. Только одну статую не велели нам трогать. Самую на вид ужасную. Объяснили нам, что то их злой бог по имени Ка. И вроде бы вот-вот явиться должен. И намекают, что лучше б нам с ним не встречаться.

Тут как раз несчастье случилось. Канонир наш, Вильям Ватман, внезапно помер. Был он с нами на берегу, да захворал. С неделю отлеживался в палатке. Потом вроде бы на поправку пошел. Как только стали мы в дорогу собираться, отправили его на корабль, к пушкам его разлюбезным, долечиваться. А через два дня привозят к нам на катере его тело. Замолк наш весельчак, а славный матрос был. Все его любили. Как и я, ходил с капитаном во все его плавания.

И опять умудрился наш капитан договориться со жрецами. Это насчет похорон. Великий Жрец отдал под могилу са-

мое святое место: возле храма этого. Туземцы даже сами вызывались похоронить Вильяма, но капитан наш вежливенько так отказался. И то сказать: срам-то какой: доброго христианина – да по языческому обряду. Мы службу совершили как положено, по-христиански. Туземцы стоят тихо, почтительно, наблюдают за церемонией. А как стали мы зарывать могилу, тут они и пошли. Кабанчика несут запеченого, кокосы, фрукты разные, цветы... И все это – туда, в яму...

На следующий день снялись мы с якоря и пошли на север. И может, все бы пошло нормально и капитан наш был бы жив, кабы не эта чертова мачта на «Резолюшн». Бог его знает, с чего ей вздумалось треснуть. То ли дерево с самого начала было с гнилью... Так ведь не один год продержалась. И вдруг – хрясь! Обломилась как раз посередине, только паруса зашуршали и опали, как миллион осенних листьев. Всё, приехали. А без фока куда пойдешь? Капитан только головой покачал и отдал приказ возвращаться в Керагегуа Бэй, мачту чинить.

И вновь поставил Кук свою палатку на том же месте, у свежей могилы.

А туземцы... Вроде бы и те же, да совсем не те. Словно подменили их за неделю. Как будто и встречают нас почтительно, и товар на обмен привозят, и на корабли к нам жалуют. Только ни веселья особого, ни радости. И в храме ихнем только одна статуя так и торчит – все тот же бог Ка со свирепой рожей. А главное: наглые стали да вороватые. Так и но-

ровят стырить все, что плохо лежит. Особливо привлекал их металл всевозможный. Стальных ножей да кинжалов у них уже много было. Мало тех, что у нас выменяли, так они наловчились из любых кусков железа ножи делать. Мы у них даже пару старых кинжалов видали. Работа, конечно, топорная. Заметно, что не кованы, а отбиты из чего-то. Откуда – понять не можем, до нас ведь на островах этих никого из европейцев не было. Видать, прибило когда-то к берегу останки затонувшего судна. Вот ножи эти и оказались потом роковыми для друзей наших...

Один туземец ушлым таким оказался – на глазах у нашего кузнеца схватил кузнечные щипцы – и стреканул за борт. Мы быстренько шлюпку – на воду, да и за ним, в погоню. Куда там! Подобрала его большая пирога, причалила в стороне... Но матросы распалились, на весла налегают, выскочили на берег. Тут подоспели ребята из берегового поста... Словом, крепкая драка разгорелась. Все весла переломали. Слава богу, что вождь их Пареа вмешался. «Едем, – говорит, – к Куки, разбираться». А на чём, коли весел нет? Пареа тут велел островитянам вёсел притащить. Поплыли. Кук встречает возле своей палатки, злой, как сотня дьяволов. Но с Пареа говорит вежливо, без крику... Словом, всё наворованное нам тут же вернули: и щипцы, и зубило, и крышку от котла, и даже картуз боцмана нашего, что стащили с него в драке. А Кук устроил нам всем разнос. Как, мол, могли высадиться без его ведома и побоище устроить! Как смели оставить бе-

реговой пост! И поплыл с нами на «Резолюшн», чтоб и там порядок навести...

А следующий день, воскресенье 14 февраля 1779 года, никогда не забуду. Только рассвело – слышу на палубе возбуждение. Крики, ругань, проклятия. Наш большой катер ночью уперли. Стоял тихо-мирно на якоре со спущенным парусом – и на тебе! Тут уж капитан рассвирипел. Отрядил пару лодок, чтобы перекрыли выход из залива, а сам с лейтенантом и с нами, десятком матросов, – на берег. Все при мушкетах. «Захватим, – говорит, – вождя Кариопу. Будем держать заложником пока не вернут катер».

Высадились мы. На берегу – толпы. Враждебности никто не изъявляет. Шагаем напрямик к дому вождя. Кариопу выходит. Рожа заспанная, удивленная. Капитан объясняет ему: так-мол и так, надо срочно к нам на корабль. Взял вождя за руку, тот вроде бы ничего дурного и не заподозрил. Идем в сторону берега. Видим поодаль: подходит к берегу шлюпка с нашего берегового поста, в ней – два матроса с «Дискавери». Высаживаются как раз в том месте, где бабы местные сидят, завтракают. У них, вишь ли, женщины не могут есть вместе с мужчинами. Запрет. Табу. Видать, те женщины сразу поняли: неладно что-то. Вскочили, бегут к толпе, кричат что-то. Заволновался народ. Матросы к нам подходят. «Сэр, стычка на том берегу залива. Вождь Каремоо убит».

Кук чуть не сплюнул с досады, аж покраснел весь. А тут как раз жрец вышел с большим кокосовым орехом, говорит

что-то. Нам-то и не до него совсем, а он все вещает... Оглянулись мы – а толпа-то вокруг уж совсем другая. Всё переменялось. Кругом – тата-тоа, воины со щитами. Туземцы, бывало, как придут на корабль, всё спрашивали, кто из нас тата-тоа. Кук им, помню, говорил: «Я тата тоа». – «А покажи следы от ран». Капитан показал им большой шрам на руке – поверили. А у лейтенанта нашего шрамов не было. «Нет, – говорят, – ты не тата-тоа».

Так вот. Сгрудились вокруг нас воины. Копья кругом, дубинки, кинжалы. Да и толпа жителей не расходится. Проталкиваемся. Кук все держит вождя за руку, а жрец так всё и бормочет. Тут какая-то женщина кидается к вождю. «Не ходи, мол, на корабль! Убьют тебя!» Толпа опять заволновалась. «Сэр, – говорит лейтенант, – вон у того малого – кинжал под плащом. Надо бы его пристрелить». – «Не смейте, лейтенант!» Туземец все-таки на нас бросился, а ребята его – прикладами. Отступил. И тут камни в нас полетели. Кук первым-таки не выдержал. Горяч был. Выпалил из своего пистоля. Без толку. Щиты у них – из пальмы, плотные, только из мушкета и пробьешь. Капитан отпустил вождя и командует: «к шлюпкам!» А тут и копья полетели. Новые выстрелы грянули. Слышим: со шлюпок, что ждут нас у берега, тоже палят. Капитан махнул им и кричит: «Прекратить огонь!» Эх, зря он это сделал! Не поняли в шлюпке да и отплыли ярдов на сорок от берега. Вы думаете, все матросы Его Величества – пловцы заядлые? Да ведь многие из нас,

даром что столько морей прошли, плавали, как наковальня. Да еще и камни вокруг градом... Я приотстал малость и видел, как ребята в воду кинулись. Туземцы – с дубинками да кинжалами – на них... Меня самого за руки хватают, не дают к воде подойти. Вижу, как впереди капитан спокойно эдак входит в воду. Затылок ладонью от камней прикрывает. Тут один туземец подбегает сзади, незаметно так, – и дубинкой его по голове... Оно и обошлось бы. Кук только пошатнулся да мушкет выронил, а сам дальше в воду идет. Крепок был капитан. И тут вижу: тот самый, с большим кинжалом под плащом. Я заорал, да не слышит меня капитан: толпа шумит. Бросился он на Кука. Увидел я даже, как кинжал сверкнул на солнце. А может и померещилось мне это сверкание. Сзади ударил островитянин – капитан свалился в воду. Тут уж на него целая толпа набросилась, а у меня от ярости аж в глазах потемнело. Откуда-то силы взялись. Сбросил с себя нескольких, в стороны раскидал, кинулся к своему капитану. Рвусь вперед, к воде, сам рычу от злобы. Хватают меня, да не удержать им... Не успел, однако. В воду вошел – увидел только, как волокут на скалы тело Кука. Тут еще народу набежало, оттесняют меня... Кинулся в волны, поплыл. Уж и не помню, как до шлюпки добрался. Только смутно припоминаю, как уходили мы от берега к кораблю. Перед глазами все плывет. Может, от слез моих бессильных...

Весь остаток того дня – как в тумане. Меня ведь тоже хорошо дубиной огрели, пока от островитян отбивался. Обид-

но, что даже тела товарищей наших подобрать не смогли, на поругание оставили. Порох, мол, отсырел... Да что уж там говорить, измельчал к тому времени народ. Капитан Клерк послал потом катер к скалам. Матросы с него пальнули пару раз, пристрелили двоих-троих туземцев, да так ни с чем и вернулись. А к храму туземному бот отправили. Там и народу местного почти не было. Свернули матросы наше хозяйство: палатку, мачту починенную, инвентарь весь – и на корабль.

Ночью на скалах костры горели. Слышали мы, как барабаны гремят, как женщины причитают. Весь день на берегу народ шумел. В подзорную трубу видели на одном туземце треуголку капитана нашего, на другом – камзол. Сильно это нас разозлило. Ишь, дескать, дикари неотесанные. А ближе к вечеру и наши офицеры в одежду покойного капитана обрядились. Заперлись после обеда у него в каюте и принялись делить вещи. Выходят – смотреть противно. Кто подзорную трубу моего капитана тащит, кто секстан, кто рубашки. Сам бы взял чего на память о капитане своем, да кто ж нам даст? Офицеры всё расхватали.

Гавайи. Залив Кеалакекуа, где погиб капитан Кук

Обелиск на месте гибели Джеймса Кука

Вечером заявился к нам жрец Кооаха, с ним еще двое. У одного – мешок из пальмовой ткани. И такой дух от этого мешка! Даже на палубе, на вольном воздухе, – хоть нос затыкай. Выходит капитан Клерк. Он к тому времени с «Дискавери» к нам перебрался и каюту Кука занял. Развязывает жрец мешок, показывает, что там внутри. Возьмите, дескать. Ваше. Мы сперва и разобрать не могли, что там такое, а как разобрались – ох!.. Желудки-то у нас луженые, любую качку выдерживают, а тут едва не стошнило. Плоть окровавленная. Нога человеческая от ступни до самого бедра, только без костей, мясо одно. Еще кусок плоти... А жрец торжественно

так: «Куки, Куки». Капитан покраснел весь, глаза из орбит вылезли. А как обрел дар речи, только и выдавил: «Вон! Что-бы духу...»

Интересуетесь, не съели ли капитана и несчастных товарищей моих? Сие мне неведомо. Врать да выдумывать не стану, не приучен. Островитяне клялись всеми своими богами, что человеческого мяса не касались. Только кости-де поделили, согласно обычаю. Да кто ж их знает?

Жестокость, – говорите, – дикость да варварство? А знаете, вот теперь, столько проживши да познавши, спрошу: а сами-то мы намного ли лучше? Поглядите на нас да на предков наших. Столького достигли: и науки, и ремесла, и искусство! А ведь все это – слезами да кровью. И столько той крови пролито – тем дикарям и в страшном сне не привидится. И чем дальше, тем больше! Так-то вот...

* * *

Меня зовут Елизабет Постума Симко. Имя мое дано мне не родителями, ибо увидеть меня им не довелось. «Постума» означает «посмертная». Отец мой, полковник Томас Гвиллим, скончался за полгода до моего рождения, мать, Елизабет Гвиллим, – через несколько часов после моего появления на свет. Я никогда не спрашивала, зачем Создателю угодно было лишить меня родителей на самом пороге жизни. Такие вопросы и задавать-то грешно. Ему виднее...

Мой отец, будучи в чине майора, служил под началом генерала Вулфа и участвовал во взятии Квебека. Мог ли он

помыслить о том, что тридцать лет спустя судьба его дочери окажется накрепко связанной с завоеванной им заокеанской колонией?

Я воспитывалась в семье моей тетушки и ее мужа, прославленного адмирала Грейвса. Детство мое прошло в графстве Девон, в имении адмирала, и было весьма безоблачным. Правда, я довольно страдала из-за своего неказистого роста, ибо всегда была самой маленькой из всех своих подруг. Тем не менее, при столь незначительном росте я была ловкой, выносливой и любила длинные прогулки среди прекрасных лесов Девона. Вначале пешком, затем на невысокой лошадке, на которую я обычно с трудом вскарабкивалась. Я не бродила бездумно, я всматривалась. Мне всегда было немного жаль, что не существует такого магического прибора, что позволил бы запечатлеть и сохранить на бумаге контуры этих холмов, лесные тропинки, разнообразие древесных листьев и пышных трав. Так я стала рисовать и всегда брала на прогулки этюдник и карандаши. Дома я перерисовывала свои этюды акварельными красками. Наиболее из них удавшиеся тетушка даже вставляла в ореховые рамки и развешивала по стенам моей комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.